

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-63-71

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПАРОДИИ В СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ XVII В.

© Илья Петрушков

INTERTEXTUAL ELEMENTS AS MEANS OF CREATING PARODY IN THE 17TH CENTURY RUSSIAN SATIRE

Ilya Petrushkov

This research investigates intertextual elements as the basis of genre modifications for producing comic effect. The research material includes 12 texts from the Russian literary parody of the 17th century. We have chosen intertextual elements to be analyzed in this research, because they transfer the context of original texts to new texts, which is considerably important for literary parody. Consequently, intertextual elements work as markers of content and compositional-structural features of parodying a genre.

The relevance of the research is determined by the interest in the culture of the past, in particular, the culture of 17th-century Ancient Rus in terms of the anthropocentric paradigm of modern scientific knowledge. The analysis of the research material makes it possible to identify mechanisms of producing comic effect in the Russian literary parody of the 17th century.

Intertextual elements, that refer to written genres (religious literature and official documents) are used more frequently (248 out of 307 intertextual elements). Intertextual elements, referring to oral genres (proverbs and sayings, folktales, etc.), are used four times less (59 out of 307 intertextual elements). The Russian literary parody of the 17th century tends to combine intertextual elements of both types of genres (oral and written) in one text. It leads to the situation, in which a discrepancy arises between the element of content and the element of expression. It is clearly seen when comparing new texts against original texts (or genres).

Keywords: intertextual elements, literary parody, Ancient Rus of the 17th century, genre modifications, oral and written genres, comic effect

В данной работе представлено исследование интертекстуальных включений как основы жанровых модификаций в процессе создания комического эффекта. В качестве источников материала исследования отобраны 12 произведений смеховой литературы Древней Руси XVII в., которые относятся к жанру литературной пародии. Выбор интертекстуальных включений в качестве единиц исследования обусловлен их способностью привносить контекст из текста-источника в текст-реципиент, что является особенно значимым для литературной пародии. Как следствие, интертекстуальные включения могут служить маркерами содержательных и композиционно-структурных признаков пародируемых жанров.

Актуальность исследования определяется высоким интересом к культурным явлениям прошлых эпох, и в частности к смеховой культуре Древней Руси, в рамках антропоцентрической парадигмы современного научного знания. Анализ отобранного в настоящей статье материала позволяет выявить лингвистические механизмы создания комического эффекта в литературной пародии Древней Руси XVII в.

Из 307 выявленных интертекстуальных включений наиболее часто (248 из 307) используются те, которые являются маркерами письменных жанров (религиозная литература и документы). Интертекстуальные включения как маркеры устных жанров (пословицы и поговорки, народные сказки и т. д.) встречаются в четыре раза реже (59 из 307). Для литературной пародии Древней Руси XVII в. характерно одновременное использование в рамках одного текста интертекстуальных включений как маркеров устных и письменных жанров. В результате этого в тексте-реципиенте (произведение в жанре литературной пародии) возникает несоответствие между планом-выражения и планом-содержания, которое актуализируется благодаря сопоставлению с текстом-источником (пародируемый жанр).

Ключевые слова: интертекстуальные включения, литературная пародия, Древняя Русь XVII в., жанровые модификации, устные и письменные жанры, комический эффект

Для цитирования: Петрушков И. Интертекстуальные включения как средства создания пародии в смеховой литературе Древней Руси XVII в. // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 63–71. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-63-71

Согласно энциклопедическому словарю терминов «Эстетика. Теория Литературы», пародия (от греч. *paroidos* ‘поющий наизнанку’) – это подражание, в результате которого характерные черты оригинального произведения представляются в нелепом виде [1, с. 289]. Пародия в первую очередь ассоциируется с искусством и понимается как литературный, музыкальный или театральный жанр или как художественное произведение в этом жанре [Там же].

В словаре «Культура и культурология» приводится еще одно значение пародии. Этот термин относится не только к произведениям искусства, но и обозначает подражание любому явлению, характерные признаки которого искажаются в комическом ключе [2, с. 667].

В рамках настоящей статьи объектом исследования является литературная пародия в смеховой культуре Древней Руси XVII в.

Анализом смеховой литературы, и в частности древнерусской литературной пародии, занимались такие ученые, как Д. С. Лихачёв, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Панченко, Н. В. Понырков, Л. А. Дмитриев. На сегодняшний день к одним из самых популярных изданий текстов смеховой литературы Древней Руси XVII в. для широкого круга читателей относится издание «Русская демократическая сатира XVII в.», тексты и комментарии которого подготовлены В. П. Адриановой-Перетц [3], и том 16 издания «Библиотека литературы Древней Руси» под редакцией Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поныркова [4]. Эти издания содержат литературоведческие и культурологические комментарии к публикуемым текстам, но не всегда в этих комментариях содержится информация о том, каков механизм создания комического эффекта с лингвистической точки зрения.

Литературная пародия – это интертекстуальное явление, которое всегда предполагает сопоставление текста-реципиента с текстом-источником. В качестве текста-источника могут выступать как отдельные произведения, так и литературные жанры, которые обладают характерными и легко узнаваемыми свойствами. Таким образом, одновременная реализация двух планов (текста-реципиента и текста-источника) является основополагающим принципом литературной пародии.

Интертекстуальность играет особую роль в культуре Средневековья и, в частности, в куль-

туре Древней Руси. Перед древнерусскими авторами не стояла задача создать индивидуальный стиль или оригинальное словесное произведение. В соответствии с традицией, от них требовалось обращение к авторитетным авторам и к Священному Писанию. В связи с этим литературные пародии Древней Руси XVII в. содержат интертекстуальные включения, которые были перенесены из текстов-источников с изменениями или без.

Среди 23 произведений, которые относят к смеховой литературе Древней Руси XVII в., было выделено 12 произведений, относящихся к жанру литературной пародии: «Служба кабаку», «Калязинская челобитная», «Послание дворянина к дворянину», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Послание дворительное недругу», «Сказание о роскошном житии и веселии», «Сказание о попе Саве и его великой славе», «Лечебник на иноземцев», «Роспись о приданом», «Послание сына, „от наготы гневаго“, к отцу», «Послание к звавшим» и «Слово о мужах ревнивых». В них объектом пародирования является жанр.

Остальные 10 произведений («Повесть о Шемякином суде», «О диаконове поминке и о кутии», «Стих о жизни патриарших певчих», «Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Сказание о молодце и девице», «Притча о старом муже», «Сказание о куре и лисице», «Повесть о бражнике», «Сказание о крестьянском сыне») содержат пародийные элементы, но объектами пародирования выступают не тексты, а социо-культурные явления (судопроизводство, церковная исповедь), поэтому они не являются предметом анализа в настоящем исследовании.

Среди всех 23 произведений выделяется «Повесть о Фоме и Ереме». Комический эффект этого произведения построен на противопоставлении, которое в действительности ничего не противопоставляет. В комментариях к «Повести о Фоме и Ереме», которые дает Н. В. Понырков, нет сведений о жанре, который мог бы быть объектом пародирования, поэтому это произведение не включено в число источников материала настоящего исследования [4, с. 622].

Материалом исследования служат выделенные из анализируемых произведений интертекстуальные включения как маркеры жанров письменной и устной культуры.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы изучить средства модификации признаков

пародируемых жанров в смеховой литературе Древней Руси XVII в.

Согласно «Большой российской энциклопедии», жанр – «это тип художественного произведения, отмеченный устойчивыми, повторяющимися композиционно-структурными и / или содержательными признаками» [5]. В соответствии с этим определением признаки пародируемых жанров в рамках настоящей статьи делятся на содержательные и композиционно-структурные.

К содержательным признакам относятся тематика произведений или предмет мысли в произведениях, а к композиционно-структурным признакам – способы организации текста (прозаическая или стихотворная формы), функциональные части текста и особенности использования стилистических средств (как конstitutивных элементов жанровой формы).

Содержательные и композиционно-структурные признаки пародируемых жанров могут подвергаться модификациям вместе или по отдельности, поэтому анализируемые произведения разделены на три группы (см. Таблица 1).

Таблица 1
Три группы произведений смеховой литературы Древней Руси XVII в. с учётом модификаций жанровых признаков

Модифицируются композиционно-структурные признаки	Модифицируются содержательные признаки	Модифицируются композиционно-структурные и содержательные признаки
Послание дворянина к дворянину	Калязинская челобитная	Послание дворительное не другу
Послание сына, «от наготы гневного», к отцу	Азбука о голом и небогатом человека	Сказание о роскошном житии и веселии
	Служба кабаку	Слово о мужах ревнивых
		Послание к звавшим
		Сказание о попе Саве

В первую группу входят произведения, в которых модификациям подвергаются композиционно-структурные признаки. Во вторую группу входят произведения, где модификациям подвергаются содержательные признаки. В третью группу входят произведения, включающие мо-

дификации как композиционно-структурных, так и содержательных признаков жанра.

В результате анализа исследуемых в настоящей статье литературных пародий было выделено 307 интертекстуальных включений, которые были разделены на две группы (Таблица 2).

Таблица 2
Виды интертекстуальных включений, используемых в литературной пародии смеховой литературы Древней Руси XVII в.

Письменная культура	Устная культура
Речевые формулы деловой письменности (74)	Сказочные формулы (17)
Экземплификант (3)	Формула небылицы (1)
Топонимы (18)	Пословицы и поговорки (7)
Аллюзии (5)	Пословичные выражения (13)
Буквы славянской азбуки (38)	Формула народной песни (1)
Эвиденциальная частица «-де» (7)	Аллегории (4)
Речевые формулы церковной литературы (17)	Формулы детских считалок (1)
Цитаты из религиозной литературы (55)	Формулы скоморошских челобитных (3)
Цифры / Числа (31)	Сравнения (12)
Итого: 248	Итого: 59

В первую группу входят интертекстуальные включения, которые используются как стилистические средства в жанрах письменной речи, то есть являются маркерами письменной культуры. Например, цитаты, аллюзии из религиозной литературы и речевые формулы деловой письменности.

Во вторую группу входят интертекстуальные включения, которые используются как стилистические средства в фольклорных жанрах, то есть являются маркерами устной культуры. Например, пословицы и поговорки, сказочные формулы, формулы небылиц и народных песен.

В таких произведениях, как «Послание дворянина к дворянину» и «Послание сына, „от наготы гневного“, к отцу» изменения подвержены как формы организации текста, так и функциональные части текста.

Эти два произведения являются личными обращениями, не содержащими отклонений от типичных содержательных признаков эпистолярного жанра послания. Например, в «Послании дворянина к дворянину» говорится о горькой судьбе автора послания и о том, что с ним сдела-

ли восставшие крестьяне. В «Послании сына, „от наготы гневного“, к отцу» автор послания обращается к своему отцу и просит дать денег.

Ключевым признаком, который указывает на модификацию композиции пародируемого жанра в этих текстах, является использование стихотворной формы, не характерной для жанра послания [6, с. 17]. В дополнение к этому в них используется раешный стих (рифмованные слова внутри одной строки или предложения), который указывает на сходство анализируемых произведений с фольклорными: *А мнѣ, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, / да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была уска, / и взяла меня великая тоска*» [4, с. 393]; *Пожалуй меня, бедного, / и от наготы гневного: / одень мою спинку, / вели дати свитку* [Там же, с. 435] (здесь и далее разрядка наша – И. П.).

В обоих произведениях используются структурные компоненты, которые характерны для жанра послания, и в частности обращение к адресату и информация об адресанте: *Присному моему пречестному отцу, / приведшему душу мою ко общему Творцу... / Бьет челом сынъ твой, Богом даной, / а дурак давной*» [Там же]. В данном случае структурные компоненты послания и свойственные ему речевые формулы остаются без изменений.

В «Послании дворянина к дворянину» автор также обращается к адресату и приводит информацию о себе, называя собственное имя, но опускает имя и статус получателя, заменяя это экземплификантом: *Благих подателю и премудрому наказателю... государю моему имярек и отцу имярек... и многоприятного милосердия твоего Фуников Иванец, якоже прежней рабець, греха же моего ради яко странный старец*» [Там же, с. 393].

Экземплификант не может использоваться в личных обращениях или документах, он может использоваться только в псевдодокументах и указывает на место для самостоятельного заполнения. Игнорирование имени и статуса получателя в личных обращениях и в документах считалось оскорблением [7, с. 73]. В данном случае структурные компоненты послания и свойственные им речевые формулы подвергаются изменениям и маркируют подражание документу.

Таким образом, в этих двух посланиях интертекстуальные включения, относящиеся к письменной и устной культурам, указывают на модификацию композиционно-структурных признаков жанра послания. В результате этого появляется несоответствие между планом выражения и планом содержания произведений, что служит

основным механизмом реализации комического эффекта в данных литературных пародиях.

К группе произведений, в которых происходят модификации только содержательных признаков, относятся такие литературные пародии, как «Калязинская челобитная», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Сказание о попе Саве» и «Служба кабаку».

В этой группе произведений встречаются литературные пародии на жанры деловой письменности (челобитная) и на жанры религиозной литературы (азбучная молитва, акафист, богослужебный текст).

В них композиционно-структурные признаки остаются без изменений, а содержательные признаки модифицируются. Например, в «Калязинской челобитной» структурные компоненты и речевые формулы полностью копируют официально-деловой стиль челобитной. В тексте этой литературной пародии монахи Калязинского монастыря обращаются к архиепископу: *Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьяконъ Дамаско с товарищами* [4, с. 389]. В обращении к архиепископу упоминается его звание и имя, используются мелиоративные определения, что полностью соответствует жанру челобитной.

На протяжении всего текста встречается речевая формула «богомольцы твои» (26 раз): *Жалоба, государь, нам, богомольцом твоим, того же Колязина монастыря на архимандрита Гавриила... и досаждают нам, богомольцом твоим... и три доски исколотили, шесть колотовъ разбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нѣтъ...*» [Там же]. Восхваление адресата и самоуничижение адресанта – одна из ключевых особенностей жанра челобитной [7, с. 73–74].

В этом произведении речь идет о монахах монастыря, которые жалуются на архимандрита. Они утверждают, что архимандрит мешает им вести монашеский образ жизни и просят отставить его от должности.

В речи монахов автор произведения использует антифразис и силлепс, чтобы высмеять лень и пьянство священнослужителей. Антифразис репрезентирован в тексте 20 предложениями: *Да он же архимарит монастырскую казну не бережет, ладану да свѣчь много прижогъ... И онъ архимарит во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит...* [4, с. 389].

В речи монахов, которые хотят пить пиво и ничего не делать, используется негативная лексика в отношении архимандрита, хотя его действия соответствуют титулу; в результате этого возникает иронический контекст.

Кроме антифразиса, автор использует силлепс, который служит средством создания сарказма: *И про то, государь, разорение извѣстно стало на Москвѣ начальным людям, – и скоро по вѣсьм монастырем и кружалом смотрѣ учинили, и после смотру лучших бражниковъ сыскали – старого подъячево Сулима да с Покровки без грамоты по па Колотилу...* [Там же, с. 390]. В результате логического несоответствия семантически неоднородные лексемы, такие как *монастыря* и *кружала*, *бражниковъ*, *подъячево* и *попа*, становятся контекстуальными синонимами, что служит средством для выражения сатиры в отношении пьянствующих священников.

Таким образом, композиционно-структурные признаки остаются без изменений, а содержательные признаки модифицируются и вступают в отношения контраста с тематикой, свойственной пародируемому жанру.

В качестве интертекстуальных включений используются не только речевые формулы, но и графические знаки. Например, в «Азбуке о голом и небогатом человеке», в которой пародируется жанр азбучной молитвы (толковой азбуки), содержится 38 стихов, каждый из которых начинается с буквы из славянской азбуки: *А. Аз есмь наг, наг и бос, голоден и холоден, съести нечаво. / Б. Бог душу мою ведаеть, что нету у меня ни полушки за душою* [Там же, с. 405].

Известно, что буквы славянской азбуки имеют названия, которые соответствуют полноточным словам [8, с. 12–13]. В «Азбуке о голом и небогатом человеке» 12 слов, с которых начинаются стихи, не только не соответствуют официальным названиям букв, но и относятся к телесно-бытовому плану, который не является типичным для жанра азбучных молитв: *С. Зеваецца мне по брюху с великих недоедок; ходечи, губы помертвели, а поесть мне нечаво... / И. И жи-вот мой истощал, по чюжим сторонам волочас, а бедность меня, голенькова, изнела* [4, с. 405].

Игнорирование официальных названий букв и подбор слов, начинающихся на букву азбуки в зависимости от тематики, считается характерной практикой для изучаемого исторического периода и не может рассматриваться как модификация жанра азбучной молитвы [9, с. 80–82].

Н. С. Демкова также отмечает, что в толковых азбуках «истолковывались – в различных, как правило в дидактических, целях значимые

названия букв славянского алфавита: названия букв («азъ», «въдаю», «глаголь» и т. п.) становились первыми словами запоминающихся афоризмов, подобранных тематически (известны, например, «Азбука об Адаме», «Азбука о хмеле» и др.)» [4, с. 637].

Тематика «Азбуки о голом и небогатом человеке» вступает в отношения контраста с тематикой дидактической направленности, которая является типичной для жанра азбучной молитвы. В тексте «Азбуки о голом и небогатом человеке» подобраны лексические единицы, которые относятся к теме «бедности» и «обездоленности»: *А. Аз есмь наг, наг и бос, голоден и холоден, съести нечаво* [Там же, с. 405].

Принцип, на основе которого построены пародия в «Калязинской челобитной» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке», – это несоответствие плана содержания между текстом-источником (челобитная и азбучная молитва как жанры) и текстом-реципиентом. Одновременная реализация двух смысловых планов (текста-источника и текста-реципиента) становится средством для выражения сатиры в отношении пьянствующих священников и социального неравенства между бедными и богатыми.

В Таблице 1 указано, что в таких произведениях, как «Послание дворительное недругу», «Сказание о роскошном житии и веселии», «Слово о мужах ревнивых», «Послание к звавшим» и «Сказание о попе Саве», модифицируются как композиционно-структурные, так и содержательные признаки.

Это можно продемонстрировать на примере «Сказания о роскошном житии и веселии», которое является пародией на жанр утопии. С точки зрения композиционно-структурных признаков в этом произведении встречаются элементы народной сказки и хождения, которые содержательно не соответствуют друг другу. Эти несоответствия касаются местонахождения страны изобилия.

Например, это произведение начинается с инициальной сказочной формулы: *Нѣ в ко-емъ государьствѣ добры и честны дворянинъ вновь пожалованъ поместицомъ малым* [Там же, с. 409]. Здесь встречаются ритмизированные лексические пары, характерные для сказочного повествования: *...И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов...* [Там же]. Заканчивается произведение перечислением топонимов (18 единиц), которые являются признаком жанра хождения [10, с. 208]: *А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мазавшу, оттуда на Ригу и Ливлянды, от-*

туда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколню и на Корелу, оттуда к Юрьеву и ко Бресту, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигарин и Кафимской. А ково перевезут Дунай, тот домой не думай» [4, с. 411].

Сказочные элементы (*меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов*) не указывают на конкретное расположение волшебной страны, в то время как топонимы, которые являются элементами жанра хождения, дают точные топографические координаты (*Краков, Чернигов* и т. д.). Смысл этих фрагментов становится неоднозначным, потому что между жанровыми признаками народной сказки и хождения возникает логическое противоречие.

Содержательные признаки «Сказания о роскошном житии и веселии» трансформируются и меняют смысл пародируемого жанра (утопии) на противоположный. В анализируемом произведении используются фрагменты, содержащие лексическую избыточность и, в частности, развернутые ряды с перечислением видов животных, растений, предметов быта, еды и одежды, которые демонстрируются как признаки изобилия и безбедности: *А около гор и по полям, по путей и по дорогам перцу валяется, что сорю, а корицы, инбирю, что дубовова коренья. А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винныя ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечют...* [Там же].

Фрагменты с лексической избыточностью становятся частью аллогизмов, с помощью которых утверждается бессмысленность такого богатства: *А по домам коней стоялых – аргамков, бахматов, иноходцов, – кур и овец, и лисиц и куниц, буйволов и еленей, лосей и соболей, бобров, зайцов и песцов, и иных, одевающих плоть человечью во время ветров... / А за таким великим проходом там зимы не бывает... И таких зверей и шубы людей не потребны* [Там же, с. 410].

Таким образом, в «Сказании о роскошном житии и веселии» модификации жанровых признаков народной сказки, хождения и утопии способствуют возникновению несоответствия между планом содержания и планом выражения, который служит средством для реализации сатиры. Описываемый в рамках данного произведения рай оказывается бессмысленным, потому что для этого изобилия не находится применения.

«Слово о мужах ревнивых» – это еще один пример произведения, в котором встречается од-

новременная модификация как содержательных, так и композиционно-структурных признаков пародируемого жанра. Объектом пародирования в «Слове о мужах ревнивых» являются «Слова о добрых и злых женах», часть которых в XV–XVI вв. приписывалась Иоанну Златоусту [11].

Стоит отметить, что «Слова о добрых и злых женах» обычно не относят к конкретному жанру. Несмотря на это, произведения, которые причисляют к «Словам о добрых и злых женах», обладают тематическим и структурным сходством. Согласно Д. С. Лихачёву, эти произведения можно разделить на две группы. К первой группе относятся «Слова», текст которых построен на библейских примерах, подталкивающих к выводу о том, что «злая жена страшнее диких зверей, живущих в пустыне» [Там же]. Во вторую группу входят произведения, в основе которых лежат житейские ситуации, характеризующие жен как с положительной, так и с отрицательной стороны.

В «Слове о мужах ревнивых» поведение ревнивого мужчины описывается с помощью сравнений с животными: *И ко двору идет, как слепая кобыла, пути не видит. А идет на двор, как бешеная собака...* [3, с. 132]. Сравнения с животными могут являться маркерами как письменной, так и устной традиции. Например, средневековые bestiarii были источником не только зоологических сведений о животных, но и трактовок их аллегорического значения. Использование образов животных в качестве аллегорий, демонстрирующих проявления человеческой природы и, в частности, ее отрицательных сторон, свойственно и народной традиции. В народной традиции зоонимы широко используются в пословицах и поговорках: Кто спит с собаками, встает с блохами; Кобыла Бога забыла [12, с. 842; с. 415].

В «Слове о мужах ревнивых» сравнения с животными как композиционно-структурные признаки вступают в контрастные отношения с библейскими цитатами из рукописей «Слов» XV–XVI вв. В дополнении к этому в «Слове о мужах ревнивых» пародируется и вывод, характерный для «Слов о добрых и злых женах». Пародийный текст содержит в выводе сравнение между злым мужем и змеей: *Ино злые те мужчины подводят подобия подденные, по добны гаду ползучему на земли. А доброй жене аминь* [3, с. 133]. Образ змеи как символ дьявола в христианской культуре известен широкому кругу. Экспрессивность этого сравнения подчеркивается его финальной позицией в тексте.

Таким образом, интертекстуальные включения как маркеры письменной и устной культуры

используются в литературных пародиях Древней Руси XVII в. для модификации как композиционно-структурных, так и содержательных признаков пародируемых жанров (полностью или частично), и как следствие для реализации видов комического.

Среди произведений, которые являются предметом анализа в настоящей статье, стоит выделить «Роспись о приданом» и «Лечебник на иноземцев», в которых модификациям подвержены стилистические средства, которые не относятся к конститутивным признакам пародируемых жанров.

В «Росписи о приданом» пародируется жанр свадебных «сговорчных» записей, в которых содержится подробное описание приданого невесты. Характерной чертой пародируемого жанра, которая остается без изменений, в данном случае является детальное перечисление вещей и крепостных людей с указанием их точного количества [13, с. 148–149]: *Вначале 8 дворов крестьянских... / Да 8 дворов бобыльских... / 3 человека деловых людей...* [4, с. 425].

Комический эффект литературной пародии реализуется благодаря использованию абсурда в качестве основного стилистического средства. Например, ошибочное использование лексем, обозначающих единицы измерения: *...в одном анбаре 10 окороков капусты, / 8 полтей тараканьих / да 8 стягов комарьих...* [Там же]. Выбранные единицы измерения (10 окороков, 8 полтей, 8 стягов) не сочетаются с указанными в примере предметами.

В добавление к этому в тексте используются группы слов, обозначающие явления, которые не могут существовать в действительности: *Да 8 дворов бобыльских, / в них полтора человека с четвертью... / шуба соболя, а другая сомовья...* [Там же, с. 425–426].

Абсурд как стилистический прием встречается и в «Лечебнике на иноземцев». В этой литературной пародии абсурд создается за счет того, что понятие «лекарство» передается с помощью лексических средств, которые обычно не используются в медицинской сфере: *1. Когда у кого заболит сердце и отяготѣет утроба, и тому пристойный статьи: Взять мостового бѣлаго стуку 16 золотников, мѣлкаго вешнаго топу 13 золотников...* [Там же, с. 423].

Композиционно-структурные признаки лечебника остаются узнаваемыми, так как в тексте перечисляются реальные болезни: *«Того ж лекарства животъ и сердце крѣпить... / Им же от запора...»* [Там же, с. 424].

Несоответствие плана содержания и плана выражения в «Росписи о приданом» и «Лечебнике на иноземцев» реализуется благодаря узнаваемости пародируемых жанров и становится основным средством создания юмористического эффекта. Среди анализируемых текстов «Роспись о приданом» и «Лечебник на иноземцев» являются примерами литературной пародии, созданными исключительно ради развлечения.

В литературных пародиях Древней Руси XVII в. объектом пародии является либо устный, либо письменный жанр, характерные признаки которых подвергаются преобразованиям. Жанровые модификации могут затрагивать как содержательные, так и структурные признаки пародируемого жанра. В рамках одного произведения модификациям подвергается либо один из двух видов жанровых признаков, либо оба вида модифицируются одновременно. Особым случаем проявления жанровой модификации является стилистическое преобразование, не затрагивающее изменение конститутивных тематико-структурных признаков пародируемой жанровой формы.

В процессе преобразования композиционно-структурных признаков текст-реципиент может включать формы организации текста или стилистические средства, не характерные для пародируемого жанра. Например, использование стихотворной формы или фольклорных элементов в пародии на документы.

Модификация содержательных признаков характеризуется наличием нетрасформированных элементов композиции, помещенных в непривычный контекст. Например, речевые формулы деловой письменности, используемые в челобитной, направленной на защиту пьянствующих священников.

Стилистическая модификация в рамках настоящего исследования проявляется только в тех произведениях, в которых не происходит преобразование основополагающих содержательных и композиционно-структурных признаков («Роспись о приданом», «Лечебник на иноземцев»). Например, использование абсурда как стилистического приема в медицинском тексте, не потерявшем существенных признаков (названия болезней, речевые формулы рецептов).

В результате модификаций жанровых признаков в тексте-источнике между планом-выражения и планом-содержания возникает несоответствие, которое может быть реализовано только при сопоставлении с планом-выражения и планом-содержания текста-источника.

Список источников

1. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: Издательство АСТ, 2003. 575 с.
2. Культура и культурология: Словарь / Сост. и ред. А. И. Кравченко. М.: Академический проект, 2020. 928 с.
3. Русская демократическая сатира XVII века / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. 292 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 16 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 663 с.
5. ЖАНР // Большая российская энциклопедия (Электронная версия), 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1979693> (дата обращения: 01.12.2024).
6. Захарова Л. В. Традиции смеховой литературы в произведениях тульских авторов XVII–XX вв. // I Милоновские краеведческие чтения: сборник научных статей. Тула, ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. С.16–20.
7. Качалкин А. Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.
8. Савельева Л. В. Славянская Азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Проблемы ист. поэтики. 1994. № 3. С. 12–31.
9. Шустова Ю. Э. Азбуки-прописи конца XVII – начала XVIII в. из частных собраний // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология (ПСТПУ). 2019. Вып. 53. С. 72–89.
10. Андреева Е. А. Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 207–213.
11. Словарь книжников и книжности Древней Руси: [в 4 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев [и др.]. Ленинград: Наука, 1987–2017. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/667#source> (дата обращения: 05.12.2024).
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
13. Степанова Ю. В. Комплекты одежды и украшений в описях приданого XVII в. из коллекции тверского государственного объединенного музея // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2020. № 3 (55). С. 146–156.

References

1. Borev, Yu. B. (2003). *Estetika. Teoriya literatury: Entsiklopedicheskii slovar' terminov* [Esthetics. Literary Theory: Encyclopedic Dictionary of Terms]. 575 p. Moscow, izdatel'stvo Astrel', izdatel'stvo AST. (In Russian)
2. *Kul'tura i kul'turologiya: Slovar'* (2020) [Culture and Culture Theory: A Dictionary]. Sost. i red. A. I.

3. *Russkaya demokraticheskaya satira XVII veka* (1954) [Russian Democratic Satire of the 17th Century]. Otv. red. D. S. Likhachev. 292 p. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)
4. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 t. T. 16.* (2010) [Library of Ancient Rus Literature: In 20 Vol. Vol. 16]. RAN. In-t rus. lit. (Pushkinskii dom); pod. red. D. S. Likhacheva i dr. 663 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
5. *ZhANR* (2017) [Genre]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (Elektronnaya versiya). URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1979693> (accessed: 01.12.2024). (In Russian)
6. Zakharova, L. V. (2019). *Traditsii smekhovoi literatury v proizvedeniyakh tul'skikh avtorov XVII–XX vv.* [Traditions of Humoric Literature in the Works of Tula Authors of the 17th–20th Centuries]. I Milonovskie kraevedcheskie chteniya: sbornik nauchnykh statei. TGPU im. L. N. Tolstogo, pp.16–20. Tula. (In Russian)
7. Kachalkin, A. N. (2014). *Soderzhatel'no-stilevye svoystva delovykh tekstov XVII veka* [Subject and Style Peculiarities of Official Documents in the 17th Century]. *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 69–76. (In Russian)
8. Sav'el'eva, L. V. (1994). *Slavyanskaya Azbuka: deshifrovka i interpretatsiya pervogo slavyanskogo poeticheskogo teksta* [Slavic ABC-Book: Decoding and Discussing the First Slavic Poetic Text]. *Problemy ist. poetiki*. No. 3, pp. 12–31. (In Russian)
9. Shustova, Yu. E. (2019). *Azbuki-propisi kontsa XVII - nachala XVIII v. iz chastnykh sobranii* [ABC-Books for Writing Skills of the Late 17th–Early 18th Centuries from Private Collections]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya (PSTPU). Vyp. 53, pp. 72–89. (In Russian)
10. Andreeva, E. A. (2020). *Voobrazhaemoe puteshestvie v utopicheskii antimir (na primere "Skazaniya o roskoshnom zhitii i veselii")* [An Imaginary Journey to an Utopian Anti-World (based on "The Tale of Luxurious Life and Fun")]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. T. 25. No. 2, pp. 207–213. (In Russian)
11. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi: v 4 vyp.* (1987–2017) [Dictionary of Bookmen and Book Culture of Ancient Rus: In 4 Vol.]. Ros. akad. nauk, In-t rus. lit. (Pushkinskii Dom); otv. red. D. S. Likhachev [i dr.]. Leningrad, Nauka. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/667#source> (accessed: 05.12.2024). (In Russian)
12. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [Big Dictionary of Russian Proverbs]. 1023 p. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russian)
13. Stepanova, Yu. V. (2020). *Komplekty odezhd i ukrashenii v opisyakh pridanogo XVII v. iz kolleksii tverskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya* [Sets of Clothes and Decorations in the Lists of the Dowry of the 17th Century from the Collection of the Tversky State Joint Museum]. *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*. No. 3 (55), pp. 146–156. (In Russian)

The article was submitted on 03.03.2025
Поступила в редакцию 03.03.2025

Петрушков Илья Владимирович,
аспирант,
ассистент,
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
petrushkov.ilya@bk.ru

Petrushkov Ilya Vladimirovich,
graduate student,
Assistant Professor,
Saratov State University,

83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
petrushkov.ilya@bk.ru